Текст · 22 января 2024, 09:42
Анна Павлова, Никита Сологуб,

«Мне больно, что моими руками устроили теракт». Последнее слово обвиняемых по делу об убийстве Владлена Татарского

«Я никому не хотела причинить боль». Дарья Трепова

Очень непросто сейчас говорить, мне часто бывает сложно выразить свои эмоции, но я надеюсь, что сейчас я смогу донести до вас, что я чувствую.

Мне очень больно и очень стыдно, что моя доверчивость и моя наивность привели к таким катастрофическим последствиям. Я никому не хотела причинить боль. И именно в последнем слове я хотела обратиться к потерпевшим, но так получилось, что во время прений я уже сказала большую часть того, что хотела сказать, я надеюсь. И мне очень сложно подбирать новые слова, чтобы вас не ранить и [чтобы] попросить вашего прощения. Но я понимаю, что что бы я сейчас ни сказала, как бы себя ни вела, сколько бы я ни раскаивалась, вы все равно не поверите в мою искренность и будете это воспринимать через призму своей неприязни ко мне.

И все же я хочу сказать, что мне очень жаль, что из-за меня вам пришлось пережить такую боль и такой ужас, который я даже не могу себе представить. Мне жаль, что из-за меня вы столкнулись с травмой, которая так или иначе останется в вашей жизни.

И я не могу представить, что чувствовали ваши близкие и ваша семья, которые переживали за вас. Я снова прошу вашего прощения.

В прошлый раз [потерпевшая] Татьяна Петровна [Любина] сказала: «Бог простит». Я в этом чувствовала немного насмешку, меня это задело, потому что я серьезно отношусь к вере. И, может, поэтому я все это время была так спокойна, потому что я уверена, что уж по крайней мере перед богом моя совесть чиста. И прощение, оно очень тяжело дается, не только тем, кто прощает, но и тому, кто прощение принимает.

Если вы сможете меня простить, это не будет значить, что я забуду все произошедшее и забуду про свою ответственность перед вами. Но это будет значить, что по крайней мере мы готовы жить дальше.

Я помню, насколько был болезненный вопрос оказания медицинской помощи[1], особенно учитывая, что у меня есть медицинское образование, что я собиралась ехать в Украину кому-то помогать там-[2]. И только во время суда я поняла, что мои слова о том, что я хотела ехать туда и помогать там, звучат так, будто я собиралась вытаскивать раненых бойцов с фронта. На самом деле я себе это представляла совершенно по-другому: ну, может, разносить лекарства, помогать лежачим больным.

Потому что такая у меня специальность и такая зона ответственности, по крайней мере этим я раньше занималась.

Поэтому я не хочу, чтобы вы думали, что я вам не помогала из-за своего отношения к вам. Я не смогла, потому что я испугалась за себя и чувствовала себя в опасности. Это меня не оправдывает, но я не смогла тогда поступить правильно.

Я помню, насколько был болезненный для вас вопрос о вызове скорой помощи. Насколько я знаю, вы, к счастью, не получили тех повреждений, которые считаются причиненным вредом здоровью. Я не знаю, кто позвонил в скорую помощь. Если вы ее вызвали, то я хотела бы вас поблагодарить за то, что вы сделали то, что должна была сделать я, но не сделала.

Я не хочу, чтобы это прозвучало как-то цинично с моей стороны, но мне хочется вас всех поддержать в том, что вы сейчас проходите. Мне один друг писал, что Господь порой посылает очень жестокие испытания, но он все же нас любит и поддерживает нас, он сам идет рядом с нами.

Мне кажется, что в этих испытаниях очень важно сберечь себя, сберечь себя от злобы и ненависти. И постараться сохранить в себе любовь и мир. Наверное, вам я не могу сказать что-то большее, чем это.

Адвокат Даниил Берман. Фото: Медиазона

И теперь мне бы хотелось прокомментировать то, что я услышала на прениях со стороны обвинения. Государственный обвинитель тогда сказала, что я могу взорвать любого журналиста из присутствующих в зале, который мне просто не понравился, и меня эти слова тоже очень задели, потому что я рассказала свою историю и рассказывала, что изначально, до всех этих событий, Владлена Татарского я не знала. И потом мне постоянно говорили: «Посмотри, кто это такой, посмотри, что он пишет, посмотри, что он делает». Я читала его книги, и я знала, что он не был просто журналистом, но когда мы встречались с ним лично, он мне показался довольно добродушным мужчиной с чувством юмора, и у меня не было к нему никакой неприязни. И тем более я не желала ему смерти.

Я всегда говорила о том, что насилие только порождает насилие. И я знаю, что в материалах дела есть злые записи из моих дневников, но мне дневник для того и нужен был, чтобы просто безопасно отразить свои эмоции. И в то же время в деле есть голосовая запись с моего телефона, где я объясняю, что такое мирный протест и что для меня это единственный приемлемый способ борьбы.

И поэтому мне особенно больно и стыдно, что моими руками устроили теракт. И я никогда не отрицала объективную сторону: я действительно принесла туда статуэтку, я не поддерживала СВО, я хотела уехать в Украину, я выполняла просьбы Попкова и Гештальта[3], которые потом стали заданиями, но я все это время была уверена, что в статуэтке находится только микрофон. И я была готова в каком-то смысле

рискнуть своей свободой, чтобы узнать правду. Но я не была готова пожертвовать жизнью других людей.

И тут же дело не только в моих взглядах. Если бы мне просто какой-то человек написал в интернете: «Хочешь переехать в Украину? Отнеси статуэтку мужчине». Я бы сказала: «Вам надо, вы и несите». Но я очень доверяла Роману. Вся легенда, она была придумана не только для Владлена, она была придумана и для меня в том числе, чтобы и меня привлечь. И Роман знал, что меня такое заинтересует. И я думаю, что ему тоже непросто признаваться, что он отправил молодую девочку с бомбой фактически на смерть. Но сейчас он в этом признался сам.

Если бы сохранились мои переписки с организаторами, меня сейчас судили за что угодно, но не за умышленное совершение теракта. И по части умысла позиция обвинения выглядит довольно слабо. Те доказательства, которые опровергали бы наличие умысла, они просто игнорируются.

Отсутствие доказательств интерпретируется как тщательно замаскированное преступление. И при этом вся тщательность после теракта куда-то исчезает, и обвинение это никак не интерпретирует. И при этом обвинение учитывает все отягчающие обстоятельства, но не учитывает смягчающие.

С самого начала следствия я активно сотрудничала, я рассказала все, что могла, я предоставила доступ ко всем своим устройствам. И самое главное, что ведь с этих устройств практически ничего не было удалено, то есть кроме тех переписок, которые стояли на таймере, все остальное, то есть все скриншоты,

все фотографии, все эти переводы *Binance*, они все остались. Хоть у меня была возможность удалить, когда я поняла, что мое задержание неизбежно. Я этого не сделала, потому что знала, что мне нечего скрывать.

Я по-прежнему не признаю своей вины, но я понимаю свою моральную ответственность, и в тот день, когда я сбежала с места преступления, я не была готова это принять.

Но сейчас я здесь, и я готова. Но вопрос об уголовной ответственности, по крайней мере ее формы и ее размера, мне кажется открытым. Поэтому я прошу суд как минимум отправить дело на доследование. И еще отдельно попросить повторно назначить мне психолого-психиатрическую экспертизу, потому что все-таки у меня стоял диагноз, и тот критерий эксперты назвали недостающим, он у меня был в анамнезе. И если восьмичасовой беседы не хватило для того, чтобы это выявить, надо было провести более полное обследование. Я не настаиваю на своей невменяемости и не пытаюсь избежать ответственности, просто это влияет на получение мною помощи в дальнейшем.

И как максимум я бы хотела попросить снять с меня обвинение по пункту «б» части 3 статьи 205[4] и части 4 статьи 222.1[5] [УК]. И также я прошу учесть смягчающие обстоятельства, которые я уже назвала.

В заключение я бы хотела принести извинения не только потерпевшим, но и тем, кого это дело коснулось, в частности Анастасии Криулиной, чье имя я использовала. Я думаю, что ей тоже

было неприятно узнать, что она связана с такой историей. Диме Касинцеву, который был достаточно порядочным человеком, чтобы в моей ситуации не оставить меня на морозе. И я бы хотела попросить суд не лишать его свободы, потому что он этого не заслуживает.

Обстановка в здании суда. Фото: Медиазона

Хотела бы попросить извинения у владельцев квартир, которые я снимала, водителей такси и «Блаблакара», своей семьи, своих друзей, всех, кто не знал, и всех, к кому в дома приходили оперативные сотрудники, кого вызывали на допросы в Следственный комитет. Я понимаю, какой это мог быть стресс, и я надеюсь, что для всех них это останется в прошлом, как ночной кошмар. И я бы хотела поблагодарить тех, кто мне верит и кто меня сейчас поддерживает, и попросить поддерживать меня только как человека, который попал в тяжелую ситуацию. У меня все. Спасибо.

«Я не отрицаю своей слабости, своего страха». Дмитрий Касинцев

Я всю жизнь считал, что нужно с уважением относиться к законам того государства, в котором я живу. Я всю жизнь прожил в России. Я люблю свою страну и люблю людей, которые в ней живут. У меня никогда не возникало мыслей как-то что-то противоположное совершать против

государства, абсолютно нет. Я всегда поддерживал свое государство. Как иначе, если я тут живу?

Для меня что-то подобное замышлять, это неприемлемо. И во всей этой ситуации, может быть, конечно, это звучит несколько странно, но, столкнувшись с огромным количеством действий, с огромным количеством работников юриспруденции, судов, я увидел очень большое количество людей, которые достаточно профессионально, адекватно, хорошо работают, которые стремятся делать свою работу и делают ее хорошо. Все это вызывает очень большое уважение. Это, не могу сказать, что является открытием, но тем не менее я был очень поражен этим и очень поражен отношением, которое ко мне было, пожалуй, на всех стадиях следствия и суда, по сравнению с тем масштабом дела, которое присутствует.

Что касается того события, которое произошло 2 апреля 2023 года. Это, конечно, нечто невообразимое. Для моей жизни, я уже говорил ранее, это событие, которое превосходит ее всю. Я бы никогда не предположил, чтобы когда-нибудь, как-то, в какой-то степени я буду с этим связан. Было просто немыслимо. И весь этот ужас, всю эту боль этого события, конечно, нельзя описать словами.

Я не знаю, каким образом люди, которые участвовали в этом, могли бы полностью поделиться, полностью показать эту боль. Некоторое время назад в судебном заседании было показано видео того, как это все произошло. Я здесь сидел, и я смотрел на это. До этого были, конечно, другие видео, связанные с этим, но именно вот это

— оно выглядело настолько подробным, и ужас был в том, как в один момент, в который спокойная обстановка, открытая, доброжелательная, сменилась таким ужасом. Крики людей, вот этот ужас, который происходил, вот настолько этот контраст неожиданный, недейственный. Это нечто запредельное, нечто за гранью. И оправдания такому ужасу, такой боли такого огромного количества людей никогда не может быть. Никаких оправданий просто не существует и не должно существовать.

Вся эта ситуация вызывает огромное количество боли, страданий, которые расползались, как раковая опухоль. И меня это тоже коснулось, моей семьи. Я практически каждый день вижу, как она отражается на моих родителях. И это отражается настолько сильно, несет такую сильную боль, что мне самому больно от того, что я ничего с этим не могу поделать. Что я бессилен в этой ситуации. Это очень больно, смотреть на это, в том числе потому, что до всех событий у меня была жизнь, у меня были планы, конец учебного года. Планы с друзьями проводить лето, планы на саморазвитие. А сейчас всего этого просто нет. Я не знаю, что меня ждет в дальнейшем.

В том, что касается моей вины. Я уже выражал свое отношение к тому, как я это все понимаю. Я не собираюсь убегать, не собираюсь от нее отказываться. Я не отрицаю своей слабости, своего страха. В этой ситуации, когда все было проникнуто ужасом, в моем доме, в месте, где я всегда чувствовал себя в безопасности, которое в один момент перестало просто таким быть, и которое, наверное, таким уже никогда не станет.

Я испытал вот этот страх в тот момент и не смог его преодолеть. Я каждый день корю себя за это. За то, что в сложившейся ситуации я не смог поступить правильно. Не смог поступить правильно ни по закону, ни по всем моральным нормам, идеям, как было бы лучше действительно абсолютно для всех. Последствия этого до сих пор передо мной каждый день.

Так что, что я могу сказать? Я не отказываюсь от ответственности. Все, о чем я хотел попросить суд, это быть максимально объективным, справедливым, взвешенным. И я прошу суд назначить мне наказание, не связанное с лишением свободы. Не столько ради себя, скорее, для моей семьи. Моя боль — это моя боль. Но они не заслужили такой боли. Поэтому я прошу суд, о чем прошу — подумать о родителях.

Редактор: Мария Климова

---

1. Во время суда потерпевшие возмущались, что Трепова не стала оказывать пострадавшим от взрыва медицинскую помощь и ушла с места происшествия.
2. «Я очень переживала из-за СВО, не поддерживала, очень сочувствовала украинцам и в конце марта написала [Роману] Попкову — нет ли возможности мне поехать в Украину в качестве журналиста, плюс у меня есть медицинское образование», — говорила Трепова в суде.
3. По словам Треповой, человек с такой кличкой связался с ней через Попкова, он же дал ей задание, куда и когда принести статуэтку.
4. Совершение теракта.
5. Незаконный оборот взрывных устройств.